

УДК 793.3

В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА ТАНЦА
(ПИСЬМО К. Н. ДЕРЖАВИНА В НКВД ПО ПОВОДУ АРЕСТА
Н. А. АНИСИМОВОЙ)

*И. А. Пушкина*¹

¹ Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2, г. Санкт-Петербург 191023, Россия

Настоящей публикацией в круг источников по истории отечественного хореографического искусства советского периода вводится ранее не известный документ из архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, свидетельствующий о репрессиях в отношении деятелей культуры и искусства в канун Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Автор публикации комментирует письмо профессора К. Н. Державина, выступившего в защиту солистки Государственного академического театра оперы и балета (ГАТОБ) имени С. М. Кирова Н. А. Анисимовой, арестованной и осужденной в 1938 г. по статье 58. Уголовного кодекса (УК) РСФСР за контакты с сотрудником германского консульства в Ленинграде и предполагаемое пособничество иностранному государству, «находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны»¹⁰.

Ключевые слова: советский балет 1930-х годов, Н. А. Анисимова, К. Н. Державин, Е. А. Саломе, НКВД.

IN DEFENSE OF THE SOVIET ARTIST OF DANCE
(A LETTER OF K. N. DERZHAVIN TO NKVD CONCERNING
THE ARREST OF N. A. ANISIMOVA)

*Irina A. Pushkina*¹

¹ Vaganova Ballet Academy, 2 Zodchego Rossi Str., St. Petersburg 191023, Russian Federation

The article introduces a previously unknown archive document, namely a letter of Professor Konstantin N. Derzhavin relating to repression against cultural figures and ballet artists in eve of the Great Patriotic War of 1941—1945. To date the document that might be useful for the reconstruction of the history of Leningrad ballet in the 1930s has been kept in the Management of the Russian Federal Security Service in Saint Petersburg and Leningrad oblast.

The author comments Derzhavin's letter written in defense of Nina A. Anisimova, the soloist of St.-Petersburg State Academic Theatre of Opera and Ballet (GATOB) named after S. M. Kirov, arrested and convicted in 1938 under Article 58 of the RSFSR Criminal Code (anti-Soviet and counter-revolutionary propaganda and agitation) for contacts with the German Consulate Employee in Leningrad and 'alleged complicity with a foreign state at war with the Soviet Union'.

Keywords: Soviet ballet in the 1930s, N. A. Anisimova, K. N. Derzhavin, E. A. Salome, NKVD.

¹⁰ УК РСФСР. 1938. С. 38.

Письмо К. Н. Державина, приобщенное к уголовному делу характерной солистки ГАТОБа имени С. М. Кирова Н. А. Анисимовой, публикуется в связи с продолжением автором работы над темой репрессий в отношении артистов советского балета в 1930-е годы¹.

Автор публикуемого документа — Державин Константин Николаевич (1903—1956) — родился в Батуми, в скромной семье молодого выпускника Нежинского историко-филологического института. Его отец — Николай Севастьянович Державин — происходил из крестьян. Тяга к образованию, истории, литературе, языкам привела Державина-старшего сначала в гимназию, затем в институт, и далее — в Петроградский университет. Державин-младший также был упорен в учебе и достиг больших успехов в гуманитарных науках.

В 1930-е годы Державин-старший — академик, известный филолог-славист; его сын — историк, литературовед, сценарист, театровед. Он был знаком со многими артистами ленинградского балета, в том числе — с Ниной Анисимовой, артисткой Кировского театра. По свидетельству Б. Смирнова², К. Державина и Н. Анисимову связывали самые близкие отношения: «Он ее очень любил, и когда ее арестовали и отправили в Среднюю Азию, Костя отправился за ней, выцарапал ее и привез в Ленинград, и тогда-то на ней женился» [2, 132].

Официальной причиной ареста Анисимовой в 1937 году было ее знакомство с сотрудниками немецкого консульства в Ленинграде, ставшее основанием для ареста и обвинения в шпионаже. «Как только это произошло, Державин, еще не будучи с Анисимовой официально зарегистрирован, объявил себя ее мужем. Ему удалось добиться ее освобождения» [3, 56]. Будучи крайне заинтересованным в судьбе своей гражданской супруги, он предпринимал все возможное для ее оправдания и возвращения в Ленинград (о чем свидетельствует публикуемый далее текст письма).

К. Державин веско и аргументированно доказывает безосновательность обвинений Н. Анисимовой в контрреволюционной деятельности. Это письмо — отчаянная попытка защитить и спасти от произвола близкого человека, оказавшегося в безвыходной ситуации. Любовь и обостренное чувство несправедливости придают смелости К. Державину.

Сколько раз и куда ходил, как общался К. Державин с представителями НКВД по поводу освобождения артистки, сколько направил запросов и обращений — ответы на эти вопросы можно получить из текста данного документа. И написание письма, и передача его в соответствующие органы, бесспорно, было актом гражданского мужества со стороны К. Державина.

Личная драма К. Державина в 1930-е годы действительно была велика: незадолго до ареста Н. Анисимовой, в августе 1937 года публичным обвинениям в политической близорукости и антисоветском характере общественной деятельности

¹ Ранее об этом была опубликована статья: *И. А. Пушкина*. Малоизвестные страницы жизни солистки Кировского театра (материалы к биографии Н. А. Анисимовой) // Вестник АРБ им. А. Я. Вагановой 2015, № 6 (41), с. 40.

² Смирнов Борис Александрович (1918—2006) — литературовед, театровед, преподаватель СПбАТИ (Санкт-Петербургская Академия Театрального Искусства).

подвергся его отец — академик и главный редактор академического словаря по славяноведению.

К. Державин написал письмо, в котором изложил все возможные аргументы и факты предельно корректно и точно, в некоторых местах подкрепив свои доводы примерами и даже лирическими отступлениями о театральной жизни.

Некоторые наиболее важные с точки зрения К. Державина слова и словосочетания были выделены им знаком подчеркивания и/или курсивом. Данная особенность архивного документа сохранена в настоящей публикации. Внесенные К. Державиным в машинописный текст от руки немногочисленные дополнения и уточнения выделены в тексте курсивом. Орфография приведена в соответствие с современными нормами русского языка.

Письмо разделено автором на параграфы.

Документ представляет собой отпечатанный на пишущей машинке текст, собственноручно подписанный К. Державиным.

4 января 1939 г.

**Письмо К. Н. Державина в Народный комиссариат внутренних дел в защиту Н. А. Анисимовой
г. Ленинград**

1. В ночь со 2 на 3 февраля 1938 г. органами НКВД в Ленинграде была арестована солистка балета Государственного Академического Театра им. С. М. Кирова Нина Александровна Анисимова, проживавшая по Кировскому проспекту, д. № 1/3 кв. 31.

19 августа 1938 г. московское Особое совещание вынесло решение по ее делу и, признав ее социально-опасным элементом, постановило отправить ее на 5 лет пребывания в исправительно-трудовом лагере.

9 сентября 1938 г. это решение было объявлено Н. А. Анисимовой со словесным разъяснением, что за нею не установлено никакой конкретной вины, что имущество ее не подлежит конфискации, что за ней сохраняется право переписки и право бессрочного обжалования.

22 сентября 1938 г. Н. А. Анисимова была отправлена в Караганду. Около 30 октября она была доставлена на ст. Карабас Карагандинской области. Здесь, или в близлежащем с. Долинском, она пробыла до последних чисел ноября. В конце ноября она была назначена в дальний этап. Последующих сведений о ней, и о ее местопребывании, теперь, видимо, вне пределов Казахстана, на сегодняшний день не имеется.

2. Через пять дней после ареста Анисимовой — 7 февраля — мне удалось поговорить с сотрудником ЛУ НКВД Гантманом, который на интересующий меня вопрос о перспективах ее дела заявил: «Выпускать Анисимову мы не собираемся, а разобрав ее дело, может быть, ее выпустим, может быть, назначим ей какую-либо меру наказания, но не то ни другое не будет зависеть от степени ее виновности».

После этого разговора мною были направлены заявления на имя Заковского, Позерна³ и в прокуратуру СССР, содержавшие характеристику жизненного и твор-

³ Уточнить имена и должности этих людей не удалось.

ческого облика Н. А. Анисимовой и ряд аргументированных соображений о невозможности предъявления ей той или другой статьи УК и, в частности, того или другого из пунктов ст. 58⁴. Для меня было совершенно ясно, что единственное конкретное обвинение будет предъявляться ей по этой статье.

22 февраля я имел беседу с пом. прокурора по Спецотделу по Лен. обл. прокуратуры Израэлитом, который заявил мне, что дело Н. А. Анисимовой «сложное, имеет ряд наслоений и приносов со стороны».

27 марта я имел беседу с Главным военным прокурором РККА Розовским которому высказал свои соображения по существу дела Н. А. Анисимовой.

9 июня я имел беседу с Военным прокурором ЛВО Шмулевичем, в которой он подчеркнул, что фактов шпионажа за Н. А. Анисимовой не установлено, но что по своей «связи» с б. юрисконсультом германского консульства в Ленинграде Саломе⁵ она принесла некое зло, за которое должна получить, по его мнению, 8 лет концлагерей.

22 сентября, уже после того, как мне стало известно решение Особого совещания, я имел беседу с начальником 1 отдела Главной военной прокуратуры Кузнецовым, который категорически заявил мне, что никакой конкретной вины за Н. А. Анисимовой нет, что она представляет собою огромную ценность, но что она оказалась причастна к некоторым вещам, имевшим место вокруг Саломе, и не удержалась в своем знакомстве с ним в должных границах. Одновременно с этим он ознакомил меня с некоторыми, видимо основными, пунктами обвинительного заключения Шмулевича, совпадающими с формулировкой существа обвинения, содержавшегося и в повестке Особого совещания.

Из всего вышеуказанного я вывел следующие заключения:

1. Действительно, как это и было доказано в моей февральской записке, никакой вины, а тем более вины по ст. 58 за Н. А. Анисимовой не оказалось.

2. Осуждение Н. А. Анисимовой по ее «связи с Саломе» было произведено Особым совещанием на основе весьма кратких выводов следствия, к которым полностью присоединился прокурор ЛВО Шмулевич.

3. Эти выводы представляют в своей значительной части пример голого констатирования фактов, в нескольких случаях неверно акцентированных, схематизированных и подкрепленных пристрастной информацией одного-двух лично заинтересованных в компрометации Н. А. Анисимовой лиц из недр балетной труппы театра им. Кирова и показаниями одного, далеко не достоверного по характеру своей личности, «свидетеля» — артиста Леваненка, арестованного еще в сентябре м-це 1938 г. по своим связям с иностранцами.

3. Н. А. Анисимова родилась в 1909 г. в семье военнослужащего.

Отец ее подполковник Генерального штаба, педагог по военным дисциплинам, сын крестьянина — впоследствии довольно известного книгоиздателя юридиче-

⁴ Ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР 1938 года содержит перечень *преступлений*, относящихся к разряду *государственных*.

⁵ Саломэ Евгений Александрович — юрисконсульт Германского консульства в 1929—1936 гг.

ской литературы. Перед самой империалистической войной он получил чин полковника. Будучи начальником штаба 45 корпуса, написал резкий протест против ряда распоряжений главнокомандующего Николая Николаевича⁶. Был в результате отправлен на передовые позиции. Получил контузию. В 1918 г. поступил на службу в РККА. Занимал должности зам. начальника, начальника учебной части и преподавателя ряда кавалерийских и пехотных военно-учебных заведений РККА. В 1919 г. — начальник разведки южной группы красной Армии в боевых операциях против Юденича⁷ /см. все эти данные в его Учетно-воинском билете № 3341. Получил от *Реввоенсовета* [вписано от руки — И.П.] предложение занять должность командующего Архангельским фронтом. Принужден был отказаться по болезни, явившейся результатом контузии. Демобилизовался в 1927 г. и вышел на пенсию РККА. Умер в 1934 г. от тифа.

Мать Н. А. Анисимовой — из мещанского сословия. По профессии — артистка /певица/. В настоящее время — пенсионерка РККА.

В 1919 г. Н. А. Анисимова была определена в Гос. балетное училище, где училась и содержалась в интернате до 1927 г.⁸ По окончании училища была принята в состав балетной труппы б. Михайловского театра, а затем переведена в состав театра им. Кирова.

В короткий срок она заняла место первой характерной танцовщицы-солистки. Начиная с 1934 года ведет все первые характерные партии. Ее наиболее крупные работы: роль санюлотки Терезы в новом советском балете «Пламя Парижа», роль цыганки в балете из крепостной жизни «Катерина», трагико-героический образ партизанки Насти в балете «Партизанские дни».

С 1934/35 гг. начинает самостоятельную балетмейстерскую работу. Ставит в Филармонии «Испанскую сюиту», затем в 1936 г. на сцене театра им. Кирова балет «Андалузская свадьба» — первый на советской сцене опыт показа подлинно народных испанских танцев, очищенных от балетной фальши и условности. Далее ставит чешские народные танцы в опере «Проданная невеста», испанские народные танцы для оперы «Кармен», французские народные пляски для оперы «Кола Брюньон», русские пляски для оперетты «Моя любимая» и т. д.

Как одна из лучших артисток эстрады, создает вместе со своим партнером С. Г. Корень серию испанских народных танцев и затем программу из танцев народов СССР /Грузия, Дагестан, Узбекистан, Азербайджан, Крым, Армения и т. д./.

⁶ Романов Николай Николаевич (младший) (1856—1929) — великий князь, дядя Николая II. Был главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны в период с 1914 по 1915 гг.

⁷ Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Во время Гражданской войны возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западном направлении.

⁸ Анисимова Нина Александровна (1909—1979) — выпускница Ленинградского хореографического училища 1926 года, ее взяли в состав труппы б. Михайловского театра. Здесь К. Державин не точен, в 1927 г. Анисимову перевели из балетной труппы б. Михайловского театра в состав труппы ГАТОБа имени С. М. Кирова.

Эта программа должна была быть показана в зале Филармонии 8 февраля⁹, но арест сорвал этот концерт. Арест сорвал также ее интересную работу над испанским танцем для цветного кино.

Как педагог Н. А. Анисимова преподает испанские танцы в балетном училище Большого театра СССР и татарский народный танец в Ялтинской балетной студии и в студии оперно-балетного театра в Симферополе.

По характеру своего дарования Н. А. Анисимова является в полном смысле слова советской артисткой, все творчество которой, проникнутое духом подлинного новаторства, вполне самостоятельное, глубоко реалистическое, отвечает основным интересам советского балетного театра, фронт которого весьма не богат инициативными в творческом отношении работниками. По уровню своего мастерства она занимает бесспорно первое место в ряду характерных танцовщиц нашего Союза, отличаясь высокой исполнительской техникой и тонким пониманием национальных форм искусства народов СССР. Ни того ни другого нельзя было бы достичь, не будучи художником, любящим свое советское искусство и в нем любящим свою страну, свой народ, его поэзию, его музыку, его творчество и его новую, советскую жизнь.

4. Инкриминируемая Н. А. Анисимовой «связь с Саломе» сводится к следующему.

Юрисконсульт германского консульства в Ленинграде г. Саломе в течение ряда лет, вплоть до своего отъезда за границу в 1936 г., культивировал весьма широкие знакомства в артистическом балетном мире. Атмосфера для возможности завязывания этих знакомств создавалась тем особым расположением, каким пользовался Саломе у дирекции театра им. Кирова, открывшей ему свободный доступ в директорскую ложу, за кулисы театра, на репетиции и т. д. Лакейская услужливость «партийного» руководства театром перед Саломе доходила до того, что когда, в моменты ухудшения наших отношений с Германией, часть знакомых с ним артистов пыталась это знакомство прекращать, Саломе выражал в театральной дирекции свое удивление по поводу того, что на его знакомых производится «моральное давление», заставляющее их избегать с ним встреч, и услужливая дирекция ставила на вид своим подчиненным неудобство порывать знакомство с официальным представителем иностранного государства, с которым мы находимся в дипломатических отношениях.

Н. А. Анисимова была представлена Саломе одной из артисток¹⁰. Разыгрывавший из себя балетомана и покровителя молодых талантов, Саломе через некоторое время стал приглашать ее к себе на дом в компании ее товарищей по сцене. Время от времени он подносил ей мелкие подарки и сувениры. Иногда посылал на дом или в театр корзины с цветами. Делал он это не только по отношению к Н. А. Анисимовой. Он делал это по отношению к целому ряду своих знакомых артисток, в ряде случаев в гораздо больших размерах и с большим постоянством. Один раз

⁹ Дату 8 февраля К. Державин указывает неверно. Известно, что арест, был произведен 2-го февраля накануне концерта [4, 103], назначенного на 3-е февраля. В архиве Музыкальной библиотеки при Санкт-Петербургской Академической Филармонии имени Д. Шостаковича обнаружить не удалось ни афиш, ни программ к тому концерту.

¹⁰ Речь идет о Комаровой Татьяне Рафаиловне (род. 1900 —?) — с 1925 г. артистке балета МАЛЕГОТа [6, 239]; [7, Л. 12].

за время своего знакомства, он явился к ней с визитом в день ее рождения или именин, посидел полчаса и уехал.

У Саломе были свои постоянные посетители. Ряд артистов и артисток балета (как напр.: Леваненок, Михайлов, *Георгиевский* [вписано от руки — И.П.], Дудинская, Кузнецова, Г. Кузнецов, Трахтина¹¹, Беликова, Латонина и др.) были его личными друзьями, посещали его дом чуть ли не ежедневно, без особых приглашений, пользовались от него весьма щедрыми подарками, даже ночевали у него на квартире, ухаживали за его супругой и т. д. Н. А. Анисимова не принадлежала к этой категории знакомств Саломе. Она бывала у него только в порядке приглашения, никогда не бывала одна, не пользовалась каким-либо его личным пристрастием и не получала от него каких-либо особых подарков. Свое знакомство с ним она стала прекращать в течение 1933 г. К началу 1934 г. это знакомство было прекращено, и она избегала даже случаев встречаться с Саломе в театре. Между тем, ряд лиц продолжал поддерживать с Саломе самые близкие связи вплоть до 1937 г.,¹² не смущаясь наличием фашистской диктатуры в Германии, фактом убийства С. М. Кирова и т. д.

Следует ли из всего этого, что Н. А. Анисимова, отнюдь не являвшаяся каким-либо особо-близким к Саломе лицом, играет какую-либо особую роль в кругу обширных знакомств Саломе в балетном мире? Конечно, нет. И тот факт, что за знакомство с Саломе, как таковое, не нашли необходимым привлечь к ответственности ряд иных лиц, в значительно большей и в значительно более близкой степени с ним связанных, лишь свидетельствует о том, что оно не может являться причиной наказания Н. А. Анисимовой, хотя в действительности таковой является. Вместе с тем представляется вопиющей несправедливостью отсутствие каких-либо претензий по отношению к ряду лиц, совершенно явно и открыто пользовавшихся личным расположением Саломе, в несравнимо большей степени, чем Н. А. Анисимова. Справедливо это лишь в той степени, в которой отсутствие каких-либо конкретных поступков, направленных во вред нашей страны, допускает возможность не придавать «связи с Саломе», как таковой, со стороны группы балетной молодежи, к тому же «вдохновлявшейся» на это своей дирекцией, никакого особого значения. Но нам говорят, что Н. А. Анисимова «не имеет никакой конкретной вины». Следовательно, она ничем не отличается в этом отношении от остальной группы своих подруг, вместе с которыми она бывала в доме Саломе. Что же, в таком случае, заставляет подвергать ее наказанию?

5. Причиной наказания Н. А. Анисимовой, наказания, которое в настоящий момент, в силу специфических особенностей ее профессии, ставит под угрозу всю ее творческую жизнь и обещает на всю жизнь пресечь возможность ее дальнейшей работы, является неверное, пристрастное, неправильно освещенное понимание ее знакомства с Саломе. Источниками этой неверности является, с одной стороны, некритическое отношение к той информации, которая могла быть получена о ней

¹¹ Правильное написание фамилии — «Трахтина».

¹² К. Державин в параграфе 6, данного письма, исправляет дату 1936 г., когда Е. Саломе покинул Советский союз, на 1937 г. Скорее всего он не знал точной даты.

из недр балетной труппы, с другой — излишнее доверие к показаниям Леваненка, свидетеля во всех отношениях недостоверного. Кроме того, в порядке следствия не был понят жизненный и творческий облик Н. А. Анисимовой, ибо признание ее социально-опасным элементом, при отсутствии какой-либо конкретной вины по линии знакомства с Саломе, находится для всякого непредубежденного взгляда в чудовищном противоречии со всем ее поведением, с ее работой, с ее взглядами, мыслями и идейными интересами.

О том, что из недр театра по адресу Н. А. Анисимовой могла идти пристрастная информация, свидетельствует та атмосфера, которая создавалась вокруг нее за последние годы. Начиная с 1934 г., Н. А. Анисимова *как* артистка идет быстро в гору. Она имеет один за другим ряд крупных сценических успехов. Эти успехи, что важно подчеркнуть, являются успехами советского художника танца и балетмейстера. «Пламя Парижа» и «Катерина» еще прощаются. Здесь Н. А. Анисимова остается еще в границах своего традиционного амплуа — эпизодического характерного танца, вставленного в балеты, где на первом месте, все же, фигурировали прима-балерины. Но вот Н. А. Анисимовой дают ведущую роль в балете «Утраченные иллюзии», роль, сделанную для характерной танцовщицы. В театре, в кругу прима-балерин разражается буря. Они не могут признать возможности за солисткой характерного танца занимать в спектакле одно из центральных мест. Под их нажимом, под угрозами писем Бубнову¹³ и проч. режиссура снимает Н. А. Анисимову с этой роли и передает ее одной из классических прима-балерин, переделывая на ходу весь строй спектакля применительно к возможностям классического танца. В результате, роль, отнятая у Н. А. Анисимовой, проваливается. Н. А. Анисимова получает главную роль в балете «Партизанские дни»¹⁴. Она имеет право на эту роль, так как балет строится весь целиком на характерном и народном танце, а она — лучшая его представительница в труппе. Начинается длительная и беспримерная по своим масштабам склока, инспирируемая двумя-тремя лицами, склока, охватывающая собою весь театр и чуть ли не срывающая спектакль. Н. А. Анисимова по поручению балетного училища ставит спектакль «Андалузская свадьба»¹⁵. Он имеет у публики большой успех. Говорят, что в лице Н. А. Анисимовой появился новый, талантливый и свежий балетмейстер. Ее тут же приглашают на постановки в другие театры. Но когда на следующий сезон ставится вопрос о возобновлении этого балета и о показе его широкой публике, — против этого поднимается невероятное сопротивление, исходящее все от тех же, видимо, лиц. Сопротивление это приводит к тому, что репетиции срываются, что тот же самый дирижер¹⁶, который

¹³ Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1938) — возглавлял Нарком просвещения с 1929 по 1937 гг.; в 1937 г. был репрессирован и расстрелян.

¹⁴ «Партизанские дни» — балет на музыку Б. Асафьева, постановка В. Вайнонена. Премьера состоялась 10-го мая 1937 года.

¹⁵ «Андалузская свадьба» — одноактный балет для выпускного спектакля на музыку испанских композиторов, постановка Н. А. Анисимовой. Премьера состоялась 8-го июня 1936 г.

¹⁶ Имеется в виду молодой Е. А. Мравинский, который с начала 1930 г. дирижировал выпускными спектаклями Хореографического училища, в том числе — «Андалузской свадьбой» 8 июня 1936 г.

весной проводит этот спектакль, теперь саботирует работу и т. д. Н. А. Анисимова предлагает к пушкинскому юбилею осуществить небольшую постановку — балет «Пушкиниана», в котором предполагается показать апофеоз Пушкина среди народов СССР, выведенных в его произведениях.

Прежде чем это предложение было рассмотрено, оно уже возбудило против себя какое-то непонятное ожесточение. Кем-то из недр театра соответственным образом информированный зав. Культпросом Горкома Цильштейн дал распоряжение ни в коем случае не заниматься «такими пустяками». Н. А. Анисимова и С. Г. Корень готовят свой концерт. Все та же небольшая группа людей заранее предрекает его неудачу, пускает всяческие слухи, поднимает разговор о том, что «можно Анисимовой и крылышки подрезать». «Крылышки» действительно подрезываются арестом, совпадающим с днем, когда в городе появились концертные афиши.

Что же удивительного, что в данной атмосфере мог рождаться любой, порочащий и политически-компрометирующий Н. А. Анисимову материал [от руки большой восклицательный знак — И. П.].!

Что же удивительного, что материал этот направляется по руслу давней «связи с Саломе», благо эта «связь» имеет уже почти пятилетнюю давность, стирающую контуры действительности и позволяющую довольно свободную ее акцентировку и подкрашивание [от руки большой восклицательный знак — И. П.].!

Леваненок, опрошенный при наличии подобного материала об Анисимовой, из тех или иных побуждений схватывается за нее, как за соломинку. Он может свалить часть своей вины на нее. Если бы его спросили о ком-нибудь другом и спросили бы в том разрезе, в каком спросили об Анисимовой, — он сказал бы то же самое и о другом. Но его спросили именно об Анисимовой. Он привлекает ее к себе. Он связывает ее имя с собою, приписывает ей те или другие поступки, замыслы, намерения. Других свидетелей нет. Анисимова, со слов Леваненка, оказывается вполне утвержденной во мнении следствия в своей «причастности» к тому, к чему с таким же успехом мог бы оказаться «причастным» и весь остальной круг ее товарищей, имевших общее знакомство с Саломе.

Никто не задает себе, однако, вопроса — почему Леваненка можно считать достоверным, компетентным в делах и настроениях Н. А. Анисимовой свидетелем? Он знает ее очень мало. Если он бывал у Саломе сотни раз, то Н. А. Анисимова бывала там неизмеримо реже и никогда не бывала только вместе с Леваненком. За все десять лет работы Н. А. Анисимовой в театре Леваненок бывал у нее три-четыре раза. Он не принадлежит к кругу ее товарищей, а тем более, к кругу ее друзей. По масштабу артистической работы, по кругу своих интересов, по характеру своих знакомств вне театра, по укладу своей жизни и т. д. Леваненок не имеет ничего общего с Н. А. Анисимовой. Это совершенно случайно соотношенная с ней фигура. Нет никаких ни психологических, ни бытовых, ни каких-либо иных причин к тому, чтобы Н. А. Анисимова вообще имела бы с ним что-либо общее, а тем более в плане каких-либо неблагоприятных замыслов и намерений. Показания Леваненка — это ни что иное, как голословные утверждения, не имеющие за собой никакой серьезной основы, но по тем или иным причинам заслужившие доверие и поощрение.

6. Обвинительное заключение по делу Н. А. Анисимовой складывается из нескольких пунктов. На них следует остановиться.

Первое: подчеркивание в тексте решения Особого совещания социального происхождения Н. А. Анисимовой, как дочери полковника. Вот яркий пример неправильного акцентирования действительности. Да, Н. А. Анисимова была дочерью полковника. Выше разъяснено, что это был за полковник. Почему ее нельзя было назвать дочерью командира РККА? Почему, наконец, нельзя было бы ее квалифицировать по занимаемому ею самому месту в нашем искусстве, месту одной из лучших советских артисток балета? Почему она должна отвечать за то, что ее отец двадцать один год тому назад был полковником, несмотря на то, что потом в течение десяти лет своей жизни он активно участвовал в строительстве РККА и в борьбе с белыми полковниками и генералами? Для чего сделано подобное подчеркивание и поставлен подобный акцент? Для того, чтобы подвести под дальнейшие пункты соответствующую «социальную» базу и тем рельефнее выпятить момент социальной опасности Н. А. Анисимовой. Прием мало добросовестный, но в данном случае оказавшийся, видимо, нужным, ибо для мотивировки социальной опасности Н. А. Анисимовой, — понятия, в приложении к ней носящего по меньшей мере странный характер, — приходилось по крохам набирать хоть какие-нибудь основания.

Второе: Н. А. Анисимова вела знакомство с Саломе до 1934 г. формально правильно. Но по существу надо было написать так: «Н. А. Анисимова по своей собственной инициативе, начиная с 1933 г., т. е. с момента установления в Германии открытой фашистской диктатуры стала прекращать свое знакомство с г. Саломе, не желая компрометировать себя связью с официальным представителем фашистского государства. Это знакомство она прекратила к началу 1934 г., несмотря на то, что г. Саломе по прежнему продолжал пользоваться со стороны дирекции театра исключительным личным вниманием и фавором, несмотря на то, что ряд ее подруг и товарищей по сцене, значительно менее политически развившихся, чем она, спокойно продолжал это знакомство до самого отъезда г. Саломе за границу, т. е. до 1937 г.,¹⁷ не перестав посещать его дом, принимать от него подарки и т. д.». Такая формулировка была бы совершенно точной, объективной и, как всякая объективность в данном деле, выгодной для Н. А. Анисимовой. Но тем самым, совершенно понятно, концепция социальной ее опасности сводилась бы на нет. Вот почему эта правильная и объективная формула была подменена глухим и общим указанием, которое по методу своего использования в накоплении обвинительных данных ничем не отличается от указания на «дочь полковника».

Еще штрих. Указывается на то, что Н. А. Анисимова вела знакомство с самим германским консулом в Ленинграде г. Вальтером. Да, формально это знакомство имело место. Оно имело место в следующих реальных условиях: германское консульство время от времени устраивало у себя по тем или иным поводам приемы представителей ленинградской художественной и научной общественности. Один-

¹⁷ Дата отъезда (1936 год) уточнена в статье «Малоизвестные страницы жизни солистки Кировского театра (материалы к биографии Н. А. Анисимовой)» [1].

два из таких приемов был устроен для артистического мира. На эти приемы Н. А. Анисимова в установленном официальном порядке получала через дирекцию театра специальные приглашения, так же как получали их десятки других артистов. Как артистка, занимавшая в труппе театра определенное видное положение, она на этом приеме была лично представлена Вальтеру. После этого, встречаясь с Вальтером в зрительном зале театра, на улице, в зале Филармонии и т. д. она считала себя обязанной ответить на его приветствие и, может быть, даже ответить на вопросы, обычно задающиеся при подобных встречах и при такого рода «знакомстве». Н. А. Анисимова не бывала в гостях у Вальтера, не получала от него писем, подношений и пр. В тех рамках, в каких она знала его, и в тех рамках, в каких он знал ее, свободно можно уместить еще не один десяток человек, которых такого рода знакомство ничем не скомпрометировало и не могло скомпрометировать. Компрометация могла произойти в данном случае из того, что одно из рукопожатий с Вальтером произошло на глазах у Леваненка. Видимо, этого оказалось достаточным для того, чтобы в его понимании этот факт разросся до размеров «знакомства с Вальтером», отрицательно характеризующего Н. А. Анисимову.

Этими примерами можно ограничиться. Они довольно наглядно характеризуют тот метод поверхностной констатации фактов, который был применен к Н. А. Анисимовой. Этот метод, к сожалению, оказался по-своему действенным. Набор бессодержательных в своем существе фактов составил некую мозаику «связей», «знакомств» и проч. соотношений с политически враждебными нам фигурами. При этом было опущено из виду то обстоятельство, что эти «знакомства» и «связи» следовало бы объективности ради рассматривать не в плане политического общения, а в плане общения бытового, вызванного выше охарактеризованными условиями театральной жизни и театральных распорядков. Вот почему приходится признать выводы по отношению к Н. А. Анисимовой основанными на фактах, не имеющих сами по себе никаких оснований. И в этом нас лишний раз убеждает то обстоятельство, что при законных основаниях подозревать что-то неладное в отношениях Саломе к балету, из состава этого балета подозрения пали не на *два-три* десятка человек, а на семь человек, из которых *трое* благополучно вышли из тюрьмы /Фюрт¹⁸, Сидоровская¹⁹ и *Оппенгейм*²⁰, одна принуждена была переменить место жительства, Медалинская²¹/, двое остальных на данный момент, насколько это можно полагать, оказались обвиненными по тем или иным статьям УК, а Н. А. Анисимова, по отношению к которой не было установлено никакой вины, очутилась в положении «социально-опасного элемента». Самое характерное во всем этом, что ни с одним из лиц, связи которого с Саломе той или иной степени являлись поводом к его аресту, Н. А. Анисимова *сама* не имела никаких связей, кроме службы в одном театре, и что те лица, с которыми она была действительно связана в свое

¹⁸ Фюрт Тамара Эдуардовна (р. 1911-?) — артистка балета МАЛЕГОТа. Выпускница ЛХУ 1929 г. [5, 6].

¹⁹ Сидоровская Лидия — артистка ГАТОБа имени С. М. Кирова, выпускница ЛХУ 1933 г.

²⁰ Оппенгейм Татьяна Константиновна (1912—1982) — артистка ГАТОБа имени С. М. Кирова, выпускница ЛХУ 1931 г.

²¹ В списках выпускников ЛХУ нами найдена Медолинская Тамара, выпускница 1927 г.

время тесными товарищескими отношениями — с одной стороны, и одновременным знакомством с Саломе — с другой, оказались вне подозрений и вне наказания.

7. Социально-опасной личностью следует, видимо, признавать того человека, который в условиях нашего социалистического быта своими наклонностями, своими взглядами, своим поведением и пр. оказывает или может оказывать на окружающих его то или иное вредное влияние.

Единственной наклонностью Н. А. Анисимовой с того момента, когда она пришла в сознательный возраст, была наклонность к своему искусству. Ее единственным желанием было изо всех сил служить этому искусству и служить так, чтобы этим принести пользу своей стране. Вот почему в искусстве она работала в определенном, выше охарактеризованном идейном и творческом направлении. В этом отношении она может быть признана только социально-полезным, активно-полезным человеком.

Но разве внутренне чуждый нашему строительству человек, человек внутренне чуждый нашему социалистическому созидательству, человек, хотя бы потенциально враждебный жизни наших народов, — мог бы в своей работе столь интенсивно питаться их творчеством, их идеями, их жизнью, как питалась ими Н. А. Анисимова?

В жизни этого «социально-опасного элемента» имеется только один пятилетней давности эпизод — «связь с Саломе», эпизод, который имеется в жизни большого количества иных, так или иначе близких Н. А. Анисимовой или совсем не близких ей лиц. Ни до, ни после этого эпизода в ее биографии не имеется ничего, буквально ничего, что свидетельствовало бы о ее социально-отрицательных наклонностях.

Эпизод этот началом своим имеет крайне юные годы Н. А. Анисимовой, когда она незадолго до того вышла из стен закрытого учебного заведения, когда она попала в театральную жизнь, будучи во многом наивной и мало разбирающейся в ряде вопросов девушкой. Проходит некоторое время. Она сама ликвидирует этот эпизод в своей жизни, эпизод, в течение которого самое внимательное следствие не смогло обнаружить никакой преступной вины. И через пять лет, заполненных интенсивной, насыщенной нужными советскому искусству, правильными творческими мыслями, работой, через пять лет, в течение которых Н. А. Анисимова вырастает в крупного работника советского искусства, она в полном смысле слова оказывается без вины виноватой.

Отец ее оказывается только полковником царской армии, хотя его послужной список свидетельствует о многом другом. Ее знакомство с Саломе превращается в элемент обвинения, хотя это знакомство поддерживалось многими и многими лицами ее же круга в гораздо более широких и близких отношениях и хотя она сама прекратила это знакомство пять лет тому назад, что может быть только свидетельством о ее политическом росте. Официальные визиты, а, может быть, даже только один визит в здание германского консульства в ряду нескольких десятков представителей артистического мира разрастается в «посещения здания германского консульства» и является истоком версии о каком-то особо-личном знаком-

стве с Вальтером. Леваненок становится человеком, сообщаящим об Н. А. Анисимовой какие-то особые, никому, и прежде всего ей самой, неизвестные сведения, хотя ни в жизни, ни в работе, ни даже по знакомству с Саломе он ни в какой степени не был к ней близок и является безусловно недостоверным свидетелем. Вместо обещанных Шмулевичем *в беседе со мною* арестов «частых» посетителей Саломе арестовываются какие-то совершенно случайные люди, вроде Фюрт или Сидоровской. Настоящие же «частые» посетители Саломе — подруги Н. А. Анисимовой — до сих пор продолжают удивляться, почему же не арестованы они. Человеку инкриминируют шпионаж, потом, когда версия о шпионаже проваливается, говорят о «некоем зле», которое он причинил, наконец, приходят к выводу, что он вообще ни в чем конкретно не виноват и отправляют его на пять лет в Караганду. Его определяют, как социально-опасный элемент, закрыв глаза на все, что выходит за границы «знакомства с Саломе» — на всю его работу, на его личность, его мировоззрение, круг его настоящих друзей и знакомых и даже на реальные обстоятельства этого знакомства. Закрывают глаза на то, что это знакомство давно уже не играет никакой роли в биографии обвиняемой, что оно никак не отразилось ни на ее поведении, ни на ее воззрениях и ни чем не повлияло на последующие годы ее честной, энтузиастической, советской работы, как не влияло и в момент своего наличия.

На пятый день после ареста Н. А. Анисимовой лицам, причастным к следствию, было доказано мною, что она не может быть и никогда не была преступницей. Они сами убедились в этом через два-три месяца. Я никогда не позволил бы себе поднять голос в защиту человека действительно опасного для нашего строя. Я поднял его в свое время, так как *знал*, что Н. А. Анисимова ни в чем не виновата. Я поднимаю его и теперь, так как твердо *знаю*, что она не представляет собою никакого социально-опасного элемента и что подобное определение ее обязано неверному пути следствия и неправильным исходным установкам. Развязать узел, завязавшейся вокруг Н. А. Анисимовой, не трудно, если подойти к оценке ее с должным вниманием, чувством объективности и беспристрастия. И тогда она имеет все основания избавиться от тяготеющего над нею обвинения — обвинения глубоко неверного по существу и основанного на неверных с одной стороны и неверно истолкованных и освещенных с другой, данных.

4. I. 1939.

/Профессор К. Н. Державин/

**Архивное дело № П-44794 Федеральной Службы Безопасности РФ
Управления по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области Службы
регистрации и архивных фондов**

Публикуется впервые.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ГАТОБ — Государственный академический театр оперы и балета
ЛУ НКВД — Ленинградское управление Народного комиссариата внутренних дел
ФСБ РФ и Лен. обл. СР и АФ — Федеральная Служба Безопасности Российской Федерации и Ленинградской области, Служба регистрации и Архивных фондов
УК — Уголовный кодекс (РСФСР 1938 г.)
ЛВО — Ленинградский военный округ

ABBREVIATIONS

РККА — Workers' and Peasants' Red Army
USSR — Union of Soviet Socialistic Republics
NKVD — Narodnyi Komissariat Vnutrennykh Del (The People's Commissariat for Internal Affairs)
ГАТОБ — St.-Petersburg State Academic Theatre of Opera and Ballet named after S. M. Kirov
LM NKVD — Leningrad management of the People's Commissariat for Internal Affairs
FSB RF in LA, SR and AF — the Federal Security Service of the Russian Federation in Leningrad area, the Service of registration and Archived funds
UK — Criminal code (RSFSR1938)
LVO — Leningrad territorial department

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. № 6 (41). С. 40.
2. Смирнов Б. А. Крестьянский внук Борис Смирнов // Театр. 2004. № 3 (окт.). С. 132.
3. Альтшулер А. Дядя Ко // Петербургский театральный журнал. 1996. № 10. С. 56.
4. Шереметевская Н. Е. Длинные тени (о времени, о танце, о себе). М.: Редакция журнала «Балет», 2007. С. 103.
5. Балет молодых. Л.: Музыка, 1979. С. 6.
6. Борисоглебский Н. Материалы по истории русского балета. Л.: ЛГХУ, 1938. Т. II. С. 239.
7. ФСБ РФ и Лен. обл. СР и АФ. Архивное дело № П-44794. Л. 12.

REFERENCES

1. Vestnik Akademii russkogo baleta im. A.YA. Vaganovoj. 2015. № 6 (41). S. 40.
2. Smirnov B. A. Krest'yanskij vnuk Boris Smirnov // Teatr. 2004. № 3 (okt.). S. 132.
3. Al'tshuler A. Dyadya Ko // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal. 1996. № 10. S. 56.
4. SHeremet'evskaya N. E. Dlinnye teni (o vremeni, o tance, o sebe). M.: Redakciya zhurnala «Balet», 2007. S. 103.
5. Balet molodyh. L.: Muzyka, 1979. S. 6.
6. Borisoglebskij N. Materialy po istorii russkogo baleta. L.: LGHU, 1938. T.II. S. 239.
7. FSB RF i Len. obl. SR i AF. Arhivnoe delo № P-44794. L. 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. А. Пушкина — i.pushkina.spb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Pushkina — i.pushkina.spb@yandex.ru